

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.К. ГРЕЧКО

НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Разговоры о новой социальности провоцируются сегодня кризисом, недостатками и проблемами социальности старой. Хотя не все так просто и с этой последней. Ее основания, структуры, содержательные компоненты, как мы уже убедились, далеки от однозначности и интерсубъективной ясности. Аналитически убедительный ответ на вопрос «что конкретно устарело?» предложить не так-то просто. Но общих, «синтетических», предложений (прогнозов, сценариев) много. Самые горячие головы вообще предлагают «закрыть» старую социальность и, видимо, начать все с чистого листа или вернуться в прошлое, припасть к истокам. Ничто в нашей жизни не гарантировано — с этим трудно спорить, однако время не течет вспять, и потому «приглашение в прошлое», известное как фундаментализм, нам представляется совершенно неперспективным. Заниматься им поэтому не будем, а вот в «конце социального» есть определенная эвристика, с которой стоит познакомиться поближе. Опять же не в качестве чего-то самодостаточного, а в порядке расчистки площадки для позитивного освещения новой проблемы.

О так называемом конце социального

Сегодняшняя мода (видимо, все-таки мода) на апокалиптические пророчества конца всего и вся: истории, культуры, человека, автора и т.д. — коснулась и социального. Ему тоже предсказывают конец. Хотя почему же «предсказывают» — констатируют как состоявшееся событие, вполне обозначившееся явление, как то, о чем принято говорить: невероятно, но факт. Иногда, впрочем, выражаются более мягко, паллиативно — об ус-

Гречко Петр Кондратьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН (Москва). E-mail: p.grechko@mail.ru.

кользающей социальности. Но суть дела от этого не меняется – социальное все равно агонизирует, у него нет будущего, оно исчезает.

Дальше других в описании конца социального продвинулись постмодернисты, а среди них – Жан Бодрийяр. С его помощью мы эту проблему и рассмотрим.

Все социальное, по Бодрийяру, вращается вокруг масс. Масс как множества, или большого количества, людей, олицетворяющего собой «могущество инерции, власть нейтрального», импловивно (обрушивая, взрывающая внутрь, а не вовне) поглощающего «все излучения периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла»¹. Массы – люмпенизированный враг социального, это «черная дыра, куда проваливается социальное»². Историческое существование масс всецело актуально, оно не знает ни прошлого, ни будущего – только настоящее, только здесь-и-сейчас бытие. Их сила есть сила молчания («молчаливое большинство») и безразличия (к смыслу и идеалам жизни прежде всего). Она превосходит все внешние влияния и детерминации, «все силы, на массы воздействующие». Эта сила, сила молчания больше всего и беспокоит французского мыслителя: «Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности»³.

Масса, по убеждению Бодрийяра, радикально неопределенна, эмульсионна и анонимна. Ее нельзя отождествлять ни с населением, ни с корпорацией, ни с каким-нибудь другим социальным сообществом. Обозначается она всегда косвенно – как некий статистический (и статичный) осадок, как эффект зондажа (социологического замера: опросы, интервью) и тестирования. Настоящего референта у нее никогда не было и нет. Особенно заметно это сегодня, когда социальное, социальность «уже ничего не описывает и ничего не обозначает».

Современную социальность Бодрийяр связывает прежде всего с институтами (урбанизация, обучение в школе, социальное обеспечение, страхование и т.п.), возникшими «на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ»⁴. У последних социального, а равно и истории не было вообще. Есть свои этапы и у современной социальности. Так, социальность эпохи Модерна строилась на основе рациональности и Общественного договора (контракта). Сегодня, в эпоху Постмодерна, она «уступает место социальности контакта, множества времен-

¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 73.

ных связей», попадая в пространство симуляции, т.е. «место смешения реального и модели»⁵. В отличие от контракта, контакт не знает дистанции, расстояния. И это превращает реальность в гиперреальность, квалифицируемую Бодрийяром как «разубеждение в возможности хоть какой-то реальности»⁶. Наиболее убедительный пример такого превращения — «наезд камеры на объект», который «делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было»⁷.

Что ж, Бодрийяр прав: «восстание масс» действительно состоялось. Мы все теперь живем в массовых обществах — и в количественном (нас просто много), и в качественном (снижение индивидуально-личностного, собственно человеческого в человеке) их понимании.

Главная, сущностная определенность массового общества, однако, идет не от людей, его составляющих, а от тех средств коммуникации, которыми они пользуются. В этом плане у массового общества и средства соответствующие — массовые. Их так и называют: средства массовой информации, сокращенно СМИ. Средства коммуникации, информация... Нет, здесь нет подмены понятий. Информация — это знание, которое побуждает к действию, т.е. к коммуникации. В массовом обществе в полную силу работает маклюэновское “medium is message” (средство, носитель сообщения есть сообщение). Так вот, сообщение, известие, которое несут нам современные СМИ, подтверждают мысль о том, что массами, представляющими собой сумму «равнозначных индивидов 1+1+1+1» управлять легче, чем «домассовыми» людьми, — конечно, с помощью все тех же СМИ.

Если раньше предметом эффективного регулирования (со стороны общества и его институтов) было только поведение человека, то ныне, дополнительно и прежде всего, — его сознание и воля, по сути «весь человек». М. Фуко убедительно показал этот сдвиг как переход от дисциплинарного общества (общества дисциплины) к обществу контроля⁸. Ж. Бодрийяр — как переход к социальности, приводимой в движение «техникой социального»⁹. Подтверждением данного перехода может служить и фиксируемое многими исследователями затухание революционности и радикальности масс.

На массу и массовость, однако, можно посмотреть и с другой точки зрения. В ней, правда, больше вопрошания, чем фактуальной констата-

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же.

⁸ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 316 и др.

⁹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 21.

ции, и все же... Может, все-таки массы — не коллапс социального, не «конец истории»? А нечто объективно необходимое и «проходное» в эволюции человеческого общества, направленной на рождение по-настоящему свободного человека — гражданина мира. Возможно, в этом «массовом» смешении культур и народов усреднение не станет господствующей тенденцией, и разнообразие будет сохраняться, правда, уже по-другому — на индивидуально-личностном уровне.

Может статься, что в широкой исторической перспективе прививка «массами» — необходимое средство в борьбе против «восстания масс», своеобразное лекарство от «массовой» болезни, поразившей современное общество. Интересна в данной связи позиция К. Ясперса — тоже известного критика масс и неподлинного бытия. Он выражает надежду на возрождение «бытия человека из недр массового бытия». «Путь истории, — пишет он, — неизменно ведет теперь через массы... Народное образование может привести массы на путь, который ведет к аристократии духа, — постоянно фактически идущий отбор может завершиться созданием подлинной аристократии без наследственных прав и привилегий; с исчезновением социального гнета и политического террора может исчезнуть и мышление, преисполненное возмущения и негативности, свойственное прежде всего массам.

Школы, совершающийся в свободном соревновании отбор, постоянное устранение все еще сохраняющейся несправедливости в условиях жизни, создание большей социальной справедливости — все это способно, преодолев постоянно возникающую напряженность, проложить путь к росту свободы»¹⁰.

Массовое, в свете сказанного, не обязательно противостоит социальному. Напротив, оно его поддерживает и укрепляет. Социальное в наши дни более демократично, но и более имманентно, более интериорно (действует, проникает не извне, а изнутри, через мозг и тело человека). Тут поневоле напрашивается аналогия с принудительной силой дюркгеймовских фактов-вещей.

Социальное стоит на пути полной и потому губительной хаотизации людского бытия. При этом оно очень пластично, или инклюзивно. Плюрализация и сингуляризация индивидуальных позиций, перспектив и стилей жизни им не пресекается, наоборот — всячески индуцируется и поощряется. Иначе говоря, онтология нашего бытия сегодня строится на основе различия (различий), а не единства (единств). Над импликациями (уроками) факта большей фундаментальности различий, нежели единств, социальным мыслителям еще предстоит думать. Думать и учить

¹⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 144.

жить в постоянно меняющемся мире, а не страшить смертью социального, концом истории и прочими апокалипсическими видениями.

Выходит, к концу идет не социальное как таковое, а наше прежнее его понимание. Хотя об отмирании некоторых форм социального — тех, которые устарели, не отвечают задачам сегодняшнего дня, видимо, можно вести речь. Нельзя также не видеть и того, что социальность в современном, быстро глобализирующемся мире претерпевает серьезные, прямо-таки радикальные изменения. Все это, тем не менее, можно изучать в терминах исторической динамики (да, непривычно резкой и стремительной, но это уже другой вопрос), а не конца, смерти, кризиса и катастрофы. Разумнее ставить вопрос не о «конце социального», а действительно — о «новой социальности».

Новая социальность и современность

Мир, в котором мы живем, проблему новой социальности не только не упрощает, наоборот — запутывает, усложняет.

Не приходится доказывать, что общественная жизнь глубоко исторична. Историчность же — это прежде всего изменения и различия. В своей кумулятивной последовательности они выстраиваются в определенную стрелу времени, острие которой и принято называть современностью. За оборотом «принято называть» стоит согласие относительно самого факта современности — что она есть, реально существует. Относительно же ее текстуры и содержания (когда возникла, в каких конкретно формах существует, на что ориентирует и т.д.) ведутся нескончаемые споры¹¹. Споры отнюдь не спекулятивные — современность касается всех:

— отдельных индивидов — быть на высоте, или острие, исторического времени не только интересно, по-настоящему продуктивно, но и престижно. А поскольку престиж — важная составляющая социального статуса человека, то современность его, этот статус, весьма существенно укрепляет;

— многочисленных общностей и социальных групп — лишь будучи современными, они могут рассчитывать на устойчивую лояльность и притягательность своей идентичности. Фундаменталистские коллективные лояльности, сознательно, а то и силой тянущие назад, в прошлое, здесь не в счет — их место на обочине, в обозе истории.

— различных обществ — только определившись относительно современности как вершины истории, т.е. установив координаты своего «путешествия во времени», можно выработать адекватную стратегию даль-

¹¹ Панорамную картину этих споров можно найти в: *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. М., 1999. С. 279-291.

нейшего движения вперед. Именно так — ориентируясь на современность, «чистая» себя под современность, мы можем рассчитывать на то, что знаем общество, в котором живем. По верному замечанию А.Ф. Филиппова, от ответа на вопрос, «современна ли сегодняшняя Россия?»... «зависит и оценка прошлого, и диагноз настоящего, и планы на будущее»¹².

— человечества в целом — если оно представляет собой единый вид Homo, а так оно и есть, то должна быть и некая сквозная шкала его развития, кумулятивно устремленная к современности. Глубокая внутренняя дифференциация человечества позволяет говорить о том, что на современность непосредственно выходят только самые продвинутые его «части».

Самым значительным событием после «осевого времени» можно, вслед за К. Ясперсом, считать появление современной науки и техники. Впрочем, это не событие — целая эпоха, и притом еще продолжающаяся. Ее начало относится к XVIII в. европейской истории. Перед нами процесс, генезисно ограниченный во времени и пространстве, но у него уходящие в будущее горизонты, работа на всемирную историю. Есть здесь все: и универсальное, и локальное, и мировое, и собственно европейское. Творилось как местное, региональное, но, видимо, из-за масштаба и глубины поднятого на-гора бытия материала оказалось глобально-историческим, мировым. В итоге получилось больше, чем целеполагалось и сознательно желалось. «...Западному человеку, — по справедливому замечанию А. Тойнби, — было предназначено историческое достижение — совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества, нечто столь крупное, что наша собственная провинциальная история будет поглощена результатами этого свершения. Делая историю, мы превзошли собственную историю»¹³. Это «превзошли» и есть семирно-историческое деяние западноевропейского человечества. Главное в нем — инструментальная рациональность, прогресс и эмансипация (освобождение, которое несет с собой знание). Конкретизирует и дополняет эту троицу индустриализация, демократизация, рыночная экономика, гражданское общество, индивидуальная свобода (инициатива, ответственность), культура компромисса, толерантность (в смысле терпимости) и многое другое. Через данные новации в историю, историю человечества и вошла современность. Современность как Модерн, если быть точным.

Модерн — значит, модернизация, модернизированное общество. Модернизированное, новоевропейское, нововременное, современное —

¹² Филиппов А.Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 38.

¹³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1996. С. 66.

синонимы. По справедливому замечанию Б.Г. Капустина, модернизация есть «*собственный способ существования*»¹⁴ современности.

Могла ли современность (модерность) родиться и состояться где-то в другом месте, в иной культурной среде? Вряд ли. Тут ведь есть что-то и от удачи, случая, исторического шанса, который выпадает только однажды, сингулярно, единственным экземпляром. В дальнейшем будут выборочные заимствования и механические перенесения, творческие подражания и шаблонные повторения. Словом, продолжится обычная, рутинная работа истории. Но у нас речь именно о первом, действительно неординарном и уникальном случае (рождении современности), требующем новаторства, мужества, самоотдачи. С ним приходит, закрепляется и остается в истории все по-настоящему новое и плодотворное. На Западе и нигде больше современность по-настоящему самобытна, исторически первозданна. Иначе говоря, исторически первая современность (Модерн) возникла в определенное время и в определенном месте. Место – Запад, время – XVII–XVIII вв. Рассматриваемую историческую диалектику на примере взаимосвязи протестантизма и капитализма блестяще раскрыл Макс Вебер. Как показывает жизнь (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.), капитализм может существовать и успешно развиваться на любой этической основе. Но своим происхождением, своим появлением на свет, Вебер прав, капитализм, безусловно, обязан протестантской (трудовой) этике.

А сейчас поставим вопрос так: насколько современен Модерн в наше время, для наших дней? К концу XX столетия на Западе – родине современности, началась критика Модерна, его базовых идеалов, понятий и норм. Ощущение конца современной эпохи стало доминирующим. Кое у кого оно окрашено в алармистские и апокалиптические тона. На самом деле кризис Модерна – процесс естественный, органический, эволюционно-последовательный. В действительности это кризис развития. Что-то по понятным причинам отмирает, проваливается в небытие, становится преданием, но основная событийная масса истории по-прежнему устремлена в будущее, продолжает двигаться вперед, выводя всю ситуацию на новый виток (этап, стадию) развития. Возможности отнюдь не сужаются, напротив, расширяются, силы не убывают, а переливаются через край. Люди не устают искать адекватную историческую форму бытия.

В данной связи можно и поспорить с Ю. Хабермасом¹⁵, который настаивает на незавершенности проекта Модерна. Он действительно не за-

¹⁴ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ См.: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

вершен, потому что его при всем желании завершить нельзя — слишком велик и идеален он для реальной исторической практики. В то же время он и завершен, потому что в данной исторической практике (Запад последних трех столетий) убедительнее и полнее воплотить его нельзя. На большее в данном направлении рассчитывать не приходится.

Выход (из-за избытка, переполненности) Модерна за свои собственные исторические границы кладет начало новой исторической эпохе — Постмодерну. Постмодерн — наследник (в истории не бывает абсолютных разрывов) и одновременно оппонент (история не знает абсолютных повторений) Модерна. Переход от одного к другому выглядит как связь отрицания, связь разрыва, отрыва. И связь последовательности, ибо не может быть полноценного Постмодерна без предшествующего и преодолеваемого им Модерна.

Обозначенный переход и его связи можно с полным основанием рассматривать также как процесс вытеснения современности Модерна современностью Постмодерна. Иначе говоря, современность в «сегодняшней» ее интерпретации, в «наши дни» и есть Постмодерн (постмодернити) или постмодернизм, если иметь в виду концептуально-теоретическую сторону проблемы. Быть современным в наше время значит быть постмодерным. Или, наполовину по-русски, постсовременным. Звучит непонятно и загадочно. А раскрывается так: в наш динамичный век нельзя плестись в хвосте времени, мало и просто шагать в ногу со временем (современность), необходимо быть хотя бы немного впереди своего (настоящего) времени. Сегодняшняя современность как никогда футуристична, в качестве времени она в прямом смысле течет из будущего (а не продолжается из прошлого).

Современность, однако, не тождественна современному миру. Жизнь много сложнее. В данном плане важно различать календарно-астрономическое и социально-историческое время. Первое течет линейно и необратимо — вперед и только вперед. Второе характеризуется многообразием, всеурностью, в нем много самых разных ниш, позиций, траекторий, режимов и темпов продвижения вперед. И, безусловно, прав в этом смысле Э. Блох: «Не все люди существуют в одном и том же Теперь (Now). В одном Теперь они объединены лишь внешним образом, благодаря тому обстоятельству, что их всех можно видеть сегодня (today). Но это не значит, что они живут в одно и то же время с другими»¹⁶. Люди действительно живут в разных временах: кто-то в прошлом, кто-то в настоящем, а кто-то уже и в будущем.

¹⁶ Bloch E. Nonsynchronism and Dialectics // New German Critique. 1977. № 11. P. 22.

Указанная временная асинхрония, надо полагать, действительно не только для отдельных индивидов, но и для отдельных обществ (народов, наций, цивилизаций). Не будет преувеличением сказать, что любой этап в развитии того или иного общества темпорально многослоен или разномерен. Темпоральная структура общества вбирает в себя временную размерность бытия всех его индивидуальных представителей или членов. Но его историческое лицо определяется преобладанием той или иной темпоральной массы. Иными словами, современность общества не есть автоматически и современность каждого отдельного человека, в нем живущего. Люди, или индивиды, живут в разных временах и в современном обществе. Просто в этом обществе есть некая критическая масса «современников», от которых и зависит, какая вообще-то эпоха на дворе.

Нынешняя история мира представляет собой развернутую в пространстве (на поверхности земного шара) чуть ли не всю историю человечества — от первобытнообщинного строя (австралийские аборигены, например) до постиндустриального, или постмодерного, общества (развитые страны Запада и Востока).

Опираясь на расчеты О. Тоффлера¹⁷, можно представить себе такую картину: 70% населения земли живет в прошлом (разном прошлом), 25% — в настоящем (в современности), 3% — в будущем, ну, а остальные просто маргиналы — они выпадают из всякого времени. Так что ситуация наша — не классическое «распалась связь времен», а скопление, нагромождение разных времен и очень сложная диалектика их взаимосвязи. На узко профессиональном языке это звучит как симультантность, или одновременность, разновременного.

Разумеется, чистых в своей самостоятельности времен уже давно нет. Тем более их нет в наше (впрочем, для кого оно — наше?) время, когда мир становится поистине глобальным, взаимозависимым, единым. В этот процесс так или иначе втянуты все страны и народы, а значит, и все социально-исторические времена. Пожалуй, мы все сегодня живем одновременно в разных временах. Но есть темпоральные акценты и доминанты — в нихто и вся суть дела. Современность в прямом и полном смысле этого слова атрибутивна только постмодерному, или информационному обществу. Во всех остальных случаях требуются особые оговорки-ограничения.

Впрочем, следует признать, что все ниши исторической жизни подвергаются сегодня мощному социальному облучению со стороны постмодерного мира, т.е. сообщества наиболее развитых — в экономическом и политическом смыслах — стран.

¹⁷ Тоффлер О. (А). Футурошок. СПб., 1997. С. 31.

В принципе можно жить в любое время. Темпоральная многослойность (податливость, пластичность) истории этого не запрещает. Тем не менее, перспектива современности мало кого оставляет равнодушным. Она волнует, беспокоит, злит — как жизнь, которая течет где-то рядом, как шанс, которым не воспользовались или который можно упустить. Ее можно, разумеется, и проигнорировать: подумаешь, современность! Смысла жизни она все равно не открывает — это правда. Но разве обустройство земли, комфорт быта, развитие индивидуальной инициативы, поощрение инноваций и альтернатив, уважительно-толерантное отношение к Другому ничего не значат в нашей жизни? Главное, конечно, — историческая динамика современности. Она захватывает и направляет — возможно, как раз к искомому смыслу жизни. Если же упрямо ходить по традиционнo-циклическому кругу бытия, то ему, точно, не состояться.

Современность несет с собой обустроенность, удобства и уют, быта и одновременно — неопределенность, негарантированность, дискомфорт бытия. Некоторые не выдерживают ее исторического напряжения, теряются перед ее новизной и дезертируют — подальше от «кошмара прогресса», в консерватизм, традиционализм, инволюционизм и прочие. архаизмы. Если верить В.А. Кутыреву, например, то «человечество прошло уже фазу подъема на вершину, и теперь свою энергию должно прилагать к тому, чтобы тормозить, а не двигаться»¹⁸. Что тут сказать? Пожалуй, только одно: слава Богу, что эту вершину видит или знает только философия, а не жизнь, которая потому и продолжается, что, пребывая в неведении, но верная своей трансцендирующей природе, не устает карабкаться вверх — на гору человечности, ненасилия, творческой свободы.

Вполне вероятно, что в перспективе современность как Постмодерн решает задачу второго, по Ясперсу, Осевого времени — рождения «настоящего человека». Человека, который сможет наконец-то оторваться от своей животности — и телесной (ненадежность и конечность жизненных сил организма), и духовной (зоологический индивидуализм, эгоизм, жадность и т.п.). Человека, способного добиться, как *the last man* Фр. Фукуямы, признания и уважения своего человеческого достоинства, по отношению к которому все люди действительно равны, как свободные существа — равно свободны. Без такой, по времени далеко не близкой, трансформации человека силы агрессии и зла, в нем таящиеся, внутреннее и внешнее варварство погубят человечество. Природа просто подведет черту под неудачным эволюционным экспериментом.

¹⁸ Кутырев В.А. Философия постмодернизма. Нижний Новгород, 2006. С. 87.

И еще: первое Осевое время призывало людей (человечество) к «безграничной коммуникации» (Ясперс). Второе Осевое время – время Постмодерна этот призыв, видимо, впервые и по-настоящему реализует. Скрытая некогда деятельно-коммуникативная сущность социального выйдет тем самым на поверхность исторического бытия. Человек приступит к сознательно-коммуникативному конструированию своей истории. Это перспектива (тенденция) развития сущего, но еще больше – нечто императивно-должное. Мы должны стать современными, то бишь постмодерными, если желаем быть, остаться действующими лицами в стремительно меняющемся мире.

Плюрализм как современный (постмодерный) тип социальности

Социально-историческая многослойность современного мира позволяет говорить о не всегда спокойном, благополучном, но в целом вполне легитимном сосуществовании различных типов социальности – коллективизма и индивидуализма прежде всего. Существенно модифицированные виды при этом предполагаются – как, например, «коммунитарный капитализм» (Л. Туроу) и (теперь уже по исторической инерции) «коммунальный социализм». Но если верить в прогресс, а верить в него все-таки надо, и признавать хоть какую-то, пусть минимальную, конкуренцию форм человеческого общежития, то придется согласиться с некоторой исторической последовательностью или сменяемостью типов социальности. Переход от коллективизма к индивидуализму, фиксируемый сегодня многими исследователями, свидетельствует об определенном историческом развитии (и развитости) всей системы общественных отношений между людьми. Его можно рассматривать даже как определенную меру общественного развития, одну из форм выражения социального прогресса.

Более того, к концу XX в., на наш взгляд, коллективизм и индивидуализм как типы социальности обнаружили свой «физический» (историческая усталость) и моральный (отсталость) износ. К ним нет теперь былого доверия, они не вызывают уже прежнего энтузиазма – теоретически отстаивать и практически утверждать. Крах так называемого реального социализма, с одной стороны, и кризис индустриализма, или классической рыночно-экономической модели бытия, – с другой, является тому наглядным подтверждением. В общественное сознание твердо вошло ощущение какой-то завершенности, «исписанности» очередной эпохальной страницы, если не всей книги, истории. Для человека религиозного это может служить указанием на приближающийся конец света, апокалипсис. Для человека же нерелигиозного, светского это вызов времени,

ожидание и требование фундаментальных изменений, радикальных перемен.

В фундаментально-историческом плане данный вызов, порождаемые им ориентации, надежды и перспективы обретают форму плюрализма. Плюрализма как действительно современного типа социальности, идущего на смену коллективизму и индивидуализму, способного сохранить и поднять на качественно новый уровень накопленный исторический потенциал.

О плюрализме — не в теории (он там давно), а в жизни, на практике — в полный голос заговорили сравнительно недавно. И тому есть свое объяснение.

Конечно, плюрализм — не то же самое, что и плюральность (множественность). И все же количество сыграло здесь свою роль. Увеличилось, и значительно, население, общество стало массовым — в буквальном (количественном) смысле этого слова. «Города переполнены. Дома переполнены. Отели переполнены. Поезда переполнены. Кафе уже не вмещают посетителей. Улицы — прохожих. Приемные медицинских светил — больных. Театры, какими бы рутинными ни были спектакли, ломятся от публики. Пляжи не вмещают купальщиков. Становится вечной проблемой то, что прежде не составляло труда, — найти место», — так характеризует эту ситуацию Ортега-и-Гассет¹⁹. Как результат, выросла плотность социальных связей на один квадратный метр жизненного пространства. Правда, и жизненного пространства стало больше. Оно теперь не ограничивается географическим местом, т. е. территорией, на которой «располагается», существует, вершится социальная активность. Появились информационное, образовательное, правовое, глобальное и самое необычное — виртуальное пространство. С учетом нарастающей интенсивности (частота и напряженность) социальных связей и эти пространства заселяются сегодня достаточно плотно. И не только пространства — время тоже. В самом деле, нынешние электронные средства коммуникации позволяют людям, где бы они ни находились, устанавливать между собой в буквальном смысле мгновенную связь. Из всех режимов бытия он-лайн-овый становится самым популярным. Некоторые исследователи в данной связи говорят о сжатии пространства и времени в современном мире.

Кажется, только сегодня мы по-настоящему начинаем осознавать, что значит жить среди многих (Других) и многого (другого). Особую проблемность этой ситуации придают необходимость выбора (в самой по себе множественности можно и утонуть) и возрастающая социальная значи-

¹⁹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000. С. 43-44.

мость каждого Другого (нельзя не замечать, проходить мимо, оставаться безучастным).

Важно сказать здесь и о том, что индивидуализм, доведенный до крайности, превращается в экстремизм, в насильственное навязывание своей позиции, своего видения «состояния» человека, общества, мира в целом. Экстремистский индивидуализм рвет ткань общественной жизни, подрывает сами основы человеческого общежития. К сожалению, технических средств для подкрепления данной тенденции, фактически – сползания в пропасть хаоса и беспредела, в наши дни более чем достаточно.

Нечто подобное происходит сегодня и с коллективизмом. Отстаивая свое право на существование, защищая свой пошатнувшийся авторитет, он не всегда выбирает адекватные пути, средства и методы для этого. Обособляется, замыкается, превращаясь в родо-этнические братства, тоталитарные секты, экстравагантный коммунизм и т.п. локализации.

Плюрализм в данной связи является определенным выходом из той напряженной, чтобы не сказать тупиковой ситуации, в которой оказались ныне коллективизм и индивидуализм. В отличие от коллективизма, плюрализм несет с собой уважение личного достоинства человека – конкретно каждого, а в противоположность индивидуализму он поощряет и утверждает коммуникацию с Другим. Исторический выбор-переход здесь следующий. Не один (индивидуализм-атомизм) и не все (коллективизм-полимеризм), а некоторые (плюрализм-молекуляризм). Я и Ты (Другой), мой жизненный мир и Другие. Другой не как объект наблюдения и монологического вопрошания, а как субъект диалога, в котором ставятся под сомнение предубеждения и предпосылки моей собственной самости.

Приблизительно в последней четверти XX в. человечество в лице индустриально развитых стран Запада и Востока начало переход к постмодерному обществу, в котором и формируется плюралистическая социальность. Медиумным (в смысле М. Маклюэна) основанием такого перехода была и остается информация – продукт и ресурс совершенно уникальный. Это не просто знание, а знание, переложенное (или могущее быть переложенным) на язык машин. Знание, по верному замечанию П. Дракера, соотносится со сферой «*бытия, существования*», информация, напротив, – со сферой «*действия*»²⁰. В терминах логики исторической последовательности, плюралистическая социальность есть постиндустриализация или постмодернизация. А это, помимо прочего, означает, что на первом плане здесь не экономическая эффективность или струк-

²⁰ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. С. 70.

турно-функциональная оптимальность, а расширяющиеся возможности для индивидуального выбора, самовыражение и самоутверждение личности, морально-этическая составляющая в отношениях между людьми, уровень межличностного доверия, уважение человеческого достоинства и т.п.

В противоположность индивидуализму плюрализм живет по принципу или закону демассификации, т.е. пролиферации различий, поощрения и возвышения индивидуальности (индивидуализации) человека. Демассификация приобретает различные формы и заявляет о себе во всех областях общественной жизни.

Главной ценностью плюралистической социальности является человек. Но не в прежнем, традиционно-гуманистическом смысле, а как саморазвивающееся существо. Саморазвитие, с одной стороны, самодостаточно (цель в самом себе, не только подготовка к труду, социализация, но и средство самоутверждения личности), а с другой — оказывается ответом на радикальный динамизм, беспрецедентную мобильность нового общества. Темп жизни вообще-то бешеный: от скоростей и новаций («цивилизация нововведений») буквально кружится голова. И чтобы не отстать, шагать в ногу со временем, нужно развиваться.

Особое место в плюралистическом типе социальности занимают права человека. Из всех его базовых ценностей они, пожалуй, самые универсальные. Права человека не знают сегодня ни географических границ, ни национальных суверенитетов, ни расово-этнических размежеваний, ни социально-классовых дифференциаций. У них есть все шансы стать первыми действительно универсальными ценностями рождающегося на наших глазах глобального мира. Чем дальше, тем больше права человека становятся аксиомами человеческого общежития, совместного бытия людей. В них справедливо видеть ценностно-нормативное осмысление данного бытия, природы или сущности самого человека. Они стоят на страже личного достоинства человека, персональной, но партнерски-равной сути любого, каждого Другого. Права человека — хорошая основа для разрешения конфликтов, возникающих в различных сферах общественной жизни. И пусть пока в них больше должного, чем сущего, — перспектива это однозначная.

В условиях плюралистической социальности, серьезной проблемой которой является «война частей против целого» (Дж. Гарднер), особое значение приобретает институционализация. Она организует и упорядочивает центробежную частно-индивидуалистическую стихию жизни, вводит ее в русло установленных норм и законов, подчиняет так или иначе принятым правилам игры. С ее помощью часть (частное) усваивает что-то и от целого (общего), а индивидуальное, личное подводится в оп-

ределенной мере под социальное, общественное. В этом смысле институционализацию можно считать способом легитимации человеческой деятельности во всем многообразии ее форм и видов. Оправданно видеть в ней и материализацию ответственности человека как субъекта мысли и действия в мире социального.

В плюралистически «рассредоточенной» социальности институционализация принимает форму всевозможных ассоциаций или заинтересованных групп, оказывающих самое серьезное влияние (в виде лоббирования, гражданского давления) на процесс выработки и принятия решений. В самой плюралистичной стране, в США, их десятки тысяч. И наблюдается твердая тенденция к росту. Любое новое дело (проект закона, та или иная программа) тут же «обкладывается» всевозможными группами давления, акциями, инициативами.

Ассоциация связывает низы с верхами, народ с властью. Она поднимает на-гора общественной жизни реальные и уже тем самым — законные интересы и устремления людей. Структура ассоциаций — это структура организованных групповых интересов. Ассоциации представляют собой своеобразные центры власти в обществе. Их фракционная, альтернативная активность носит уравнивающий характер и препятствует установлению господства или диктатуры большинства.

Плюрализм представляет и одновременно защищает уникальность каждой человеческой личности и социальной группы, своеобразие их возможностей, потребностей и интересов, надежд, верований и убеждений. Как сказано в принятой ЮНЕСКО «Декларации о расах и расовых предрассудках», «все индивиды и группы имеют право быть различными, считать себя различными и рассматриваться как таковые».

Человек плюралистической социальности принимает различия, ценность другого (Другого) как средство расширения и содержательного обогащения собственного опыта. Те же различия, которые он не готов впустить в свой жизненный мир, он, тем не менее, держит на уважительном расстоянии с помощью толерантности. Толерантность — прекрасный медиатор своих и чужих ценностей. Она оказывается эффективным средством их цивилизованного сосуществования. Толерантность — это культура положительного, даже поощрительного отношения к различиям, это, более конкретно, коммуникативная открытость Другому, охватывающая собой весь спектр значений в промежутке между полным непринятием и полным принятием (взглядов, ценностей, практик и т.д. другой стороны).

Толерантность расширяет сущностную открытость плюралистической социальности и на те различия, которые не являются собственно «своими» или «родными». Опасности потерять определенность, растворить-

ся в море «не-своих», «не-своего» здесь, однако, нет. Данная широта — характеристика сама по себе экстенсивная, помогает наращивать глубину, интенсифицировать, обогащать и развивать содержательные элементы социальности.

Различия в условиях плюрализма как исторического типа социальности с успехом конституируются не только вне, но и внутри отдельного человека. Никакого парадокса или казуса в этом утверждении нет. Но объяснение требуется. Человека, по сути, можно приравнять к его идентичности. Когда-то у нее была репутация чего-то в высшей степени длительного (через всю жизнь), стабильного, преемственного, однозначно-центрированного. Ныне ситуация в корне изменилась. Человек имеет право, т.е. вправе, выбирать и свободно менять свою идентичность. Он не предопределен к какой-то одной из них ни своим рождением, ни своим гражданством, ни своей цивилизационной «захваченностью», ни любой другой социально фиксируемой позицией. На все теперь мода, в том числе и на идентичности. В наше время их не только время от времени проветривают, но и выбрасывают, сдают в утиль.

Человек плюралистического общества живет от идентичности к идентичности, и, видимо, самым напряженным и творческим образом — в перерыве, разрыве между ними. Идентичность тем самым становится диалектически исчезающей дискретностью в идентификации как процессе отождествления индивида с той или иной (очередной) человеческой общностью, ее нормами, ценностями, социальными установками и ролями. Новая идентичность — это еще один, следующий жизненный проект, который интересен, пока разрабатывается и выполняется.

Плюрализм развивается как культура бытия в условиях или границах негарантированной, сложной, насыщенной дифференциациями и сингулярностями социальности. Ее субъекты понимают, что их индивидуальность (самобытность, неповторимость) может состояться лишь через сохранение индивидуальности Других, через диалог равных с равными.

Плюралистический тип социальности представляет и «толкует» наше время, он однозначно современный. Современный и потому интересный, притягательный, достойный того, чтобы на него работать, чтобы его поддерживать, утверждать и, разумеется, развивать.